
НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

А.Ф. Пантелеев

ВТОРИЧНАЯ ИМЕННАЯ ПРЕДИКАЦИЯ
В НЕЭЛЕМЕНТАРНОМ ПРОСТОМ
ПРЕДЛОЖЕНИИ

Монография

Москва
РИОР

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Руся73
П16

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Автор:

Пантелеев А.Ф. — канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону). Автор более 100 печатных работ, в том числе трех монографий, по современному русскому языку, теории языка и теории перевода

Рецензенты:

Богуславская В.В. — д-р филол. наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва);

Милевская Т.В. — д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков, Российский государственный университет им. Г.В. Плеханова (Москва)

Пантелеев А.Ф.

П16 Вторичная именная предикация в неэлементарном простом предложении / А.Ф. Пантелеев. — М. : РИОР, 2018. — 162 с. — (Научная мысль). — DOI: <https://doi.org/10.29039/0877-5>

ISBN 978-5-369-00877-5

Монография посвящена исследованию функционирования конкретных и абстрактных имен существительных как носителей вторичной предикации в неэлементарных простых предложениях в русском языке. На уровне неэлементарного простого предложения существуют особые способы репрезентации категорий персональности, темпоральности и таксиса, специфические средства актуализации процессуальной семантики у конкретных существительных. Высокая степень компрессии предполагает более тесную связь вторичных предикатов с контекстом и фоновыми знаниями говорящих.

Книга адресована студентам филологических факультетов, магистрантам, аспирантам, преподавателям высшей школы, а также всем тем, кто интересуется русским языком.

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Руся73

ISBN 978-5-369-00877-5

© А.Ф. Пантелеев

Оригинал-макет подготовлен:
ООО «Издательский Центр РИОР»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В.
Тел.: (495) 363-92-15. Факс: (495) 363-92-12
Email: info@rior.ru <https://riorpub.com>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Вторичная предикация и функционально-семантические категории личности, темпоральности и таксиса	8
ГЛАВА 2. Вторичные именные предикаты и способы выражения категории личности в полипропозитивных простых предложениях	28
2.1. Морфологические и морфолого-синтаксические средства выражения категории личности	32
2.2. Синтаксическая омонимия в конструкциях с вторичной именной предикацией	43
2.3. Семантико-синтаксические средства выражения личности во вторичной именной предикации	50
ГЛАВА 3. Вторичные именные предикаты и категория таксиса в полипропозитивном простом предложении	58
3.1. Предложно-падежные сочетания с предлогом «при» как средство выражения семантики таксиса	60
3.2. Существительные с временной семантикой как средства выражения таксисных отношений	66
3.3. Производные предлоги при абстрактных существительных как средство выражения семантики таксиса	69
3.4. Непроизводные предлоги при девербативах как маркеры таксисных отношений	74
3.5. Ядерная и периферийная зоны морфологических средств выражения таксиса в конструкциях с абстрактными именами	78
3.6. Лексические средства выражения таксисных отношений в конструкциях с девербативами — вторичными предикатами	89
ГЛАВА 4. Конкретные имена существительные в функции носителей вторичной именной предикации	106
4.1. Конкретное имя существительное без предлога в функции носителя вторичной именной предикации	106
4.2. Предложно-падежные словоформы конкретных имен существительных с процессуальной семантикой	115
4.3. Способы выражения пропозитивного значения в конструкциях с конкретными существительными	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
БИБЛИОГРАФИЯ	155

ВВЕДЕНИЕ

Современный подход к языку, рассматриваемому как система средств выражения функционально-семантических категорий, предопределяет внимание лингвистики, в отличие от традиционного подхода, не к форме, а к значению и функционированию языковых единиц. Различные языковые значения, однородные с точки зрения семантической общности, в традиционной грамматике разведены по разным разделам, поскольку определяются и классифицируются на основе формальных различий. Коммуникативный подход к языку предполагает объединение элементов различных языковых уровней на основе общности функций, выполняемых разноуровневыми средствами при построении высказывания. Теория полевой структуры средств языка, объединенных общностью функционирования, позволяет расширить узкие рамки традиционного поуровневого описания. Внимание к значению и функции различных языковых средств позволяет избавиться от морфологических, по мнению Г.А. Золотовой, предрассудков, мешающих увидеть за формой определенное содержание. Функциональный подход к языку характеризуется повышенным интересом к плану содержания, изучением как структурно-семантических особенностей, так и семантико-синтаксических свойств единиц языка. Одним из достижений коммуникативной грамматики явилось деление предложений не на простые и сложные, а на монопредикативные и полипредикативные с учетом всего многообразия средств реализации вторичной предикации в простых, с точки зрения традиционной грамматики, предложениях. Среди средств выражения свернутой пропозиции и, соответственно, вторичной предикации центральное место занимают имена пропозитивной семантики, отпредикаты, т.е. отглагольные имена существительные с абстрактным значением, а также конкретные имена существительные, способные выступать в качестве носителей пропозитивного значения при элиминации абстрактных имен.

Выбор темы данного исследования — «Вторичная именная предикация в неэлементарном простом предложении» — не является случайным. Конструкции с вторичной предикацией, носителем которой выступают, например, девербативы, все чаще стано-

вятся объектом исследования синтаксистов. Можно выделить ряд исследований, интерпретирующих темпоральность и персональность как функционально-семантические категории, охватывающие разнообразные средства их формального выражения, в том числе вторичные именные предикаты [М.В. Всеволодова, Т.П. Ломтев, Е.В. Падучева, «Теория функциональной грамматики» 1987, 1990, 1991]. Имеются работы, связывающие данные проблемы с антропоцентризмом языка [Э. Бенвенист, Г.А. Золотова, Ю.С. Степанов и др.]. Комплексное изучение языковых явлений, полевой структуры языка подготовлено уже имеющимися в лингвистике теориями, предопределившими появление и бурное развитие в последние годы функциональной грамматики и коммуникативного подхода к языку. Труды Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона, И.И. Мещанинова, А.М. Пешковского, Ш. Балли, Е. Куриловича, Э. Бенвениста и др. выдающихся лингвистов XX столетия послужили основой дальнейшего развития лингвистической науки. Важную роль сыграли исследования семантики языковых единиц [работы Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, М.В. Никитина], теория детерминантов В.П. Малащенко, труды, посвященные изучению изоморфизма словоформ и сложных предложений, среди которых хотелось бы выделить, в частности, работы В.А. Белошапковой и Г.Ф. Гавриловой. Следует отметить также исследования семантики различных видов предикатов [В.Б. Касевич, В.С. Храковский, Е.В. Падучева], работы по семантике и функционированию девербативов [Л. Теньер, П. Адамец, М.М. Покровский и др.]. Наличие значительного количества теоретических трудов по конкретным вопросам синтаксиса создает предпосылки для дальнейшего углубленного изучения проблемы выражения пропозитивными именами предикативных категорий в рамках свернутой пропозиции.

Актуальность данной темы продиктована не только общим направлением развития лингвистики на современном этапе, но и стремлением применить принципы коммуникативной грамматики к анализу функциональных единиц языка, не получивших достаточного освещения в науке. Фундаментальные труды нового направления в российской лингвистике, среди которых коллективный труд «Теория функциональной грамматики» (1987, 1990, 1991, 1992), исследования Г.А. Золотовой (1973, 1982, 1995), «Коммуникативная грамматика русского языка» (1998), представ-

ляют собой теоретические разработки общего характера, анализ макросистем на функциональном уровне.

Вследствие признания девербативов носителями свернутой пропозиции в «неэлементарных» простых предложениях¹, а также вторичной предикации², представляется актуальным анализ функционирования данных отпредикатов в полипропозитивных конструкциях, выявление особенностей свернутой предикации в сравнении с развернутыми глагольными аналогами. В качестве объектов внимания в данном исследовании выступают имена существительные в функции вторичных предикатов, категории персональности, темпоральности, таксиса и их реализация в полипропозитивных предложениях со свернутой пропозицией, выраженной именем — отпредикатом, а также конкретные имена существительные с процессуальной семантикой.

Предметом лингвистического анализа в настоящей работе выступает специфика предложений с вторичной именной предикацией в плане средств актуализации пропозитивного значения, а также разноуровневых способов репрезентации функционально-семантических категорий персональности, темпоральности и таксиса.

Представляется целесообразным сопоставить средства выражения категории персональности в неэлементарном простом предложении со способами репрезентации данной категории в развернутых синтаксических конструкциях, определить характер взаимодействия элементов разных уровней языка при актуализации персонального и темпорального планов свернутой пропозиции в неэлементарном простом предложении. Одной из задач данного исследования нам видится осмысление и интерпретацию понятия «явных» и «неявных» способов выражения данных функционально-семантических категорий в неэлементарном простом предложении с учетом маркированности / немаркированности значения времени и лица во вторичной предикации.

Помимо вышеперечисленного, необходимо установить и охарактеризовать группы разноуровневых средств выражения семан-

¹ Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения.

² Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка.

тики таксиса в неэлементарных простых предложениях с вторичными именными предикатами, провести разграничение ядерной и периферийной зоны способов репрезентации временного соотношения между действиями полипредикативного комплекса в сопоставлении с развернутой предикацией.

С исследованием функционирования вторичных именных предикатов в неэлементарных простых предложениях тесно связан анализ характерного для данных конструкций явления синтаксической омонимии, приводящей к неоднозначности толкования персонального плана пропозиции. В данной работе представлены основные причины возникновения неоднозначности и средства деомонимизации конструкций с именами пропозитивной семантики.

Отдельная глава монографии посвящена исследованию специфики функционирования конкретных существительных в качестве носителей процессуальной семантики, вторичной именной предикации в неэлементарном простом предложении. Данное явление, весьма характерное для русского языка на современном этапе его развития, представляется нам одним из проблемных и спорных вопросов современной лингвистической науки, требующим пристального внимания ученых-лингвистов.

ГЛАВА 1. ВТОРИЧНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ, ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И ТАКСИСА

На современном этапе развития лингвистики наблюдается поворот от описания языковых явлений в статике к динамическому подходу к языку, от языковой системы к типологии ее речевой реализации. Предметом исследования, центром внимания становится не столько формальная языковая структура (структурная схема, модель, конструкция), сколько ее конкретная реализация в определенных условиях функционирования.

Важность создания активной грамматики давно осознавалась крупнейшими учеными нашего столетия. Академик Л. В. Щерба, отмечая необходимость создания активной грамматики, подчеркивал, что «пассивная грамматика изучает функции, значения строевых элементов данного языка, исходя из их формы, то есть из внешней их стороны. Активная грамматика учит употреблению этих форм»¹. Стремление к более углубленному изучению всех сторон функционирования языковой системы определяет устойчивый интерес к дальнейшей разработке проблемы функционально-коммуникативного описания языка, поскольку функциональный аспект исследования языковых единиц позволяет установить связи между языковыми элементами и объективной действительностью, а также выявить условия их речевой реализации.

Функциональный подход к изучению языка, несмотря на свою относительную новизну, опирается на значительную традицию. Развитие «аналитической» грамматики было основано на разработке практических и теоретических вопросов функциональной грамматики в трудах А.А. Шахматова, А.А. Потебни, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона и др. Существенный вклад в разработку функциональной грамматики внесли труды таких отечественных лингвистов, как А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Г.А. Золотова, Ю.С. Степанов, Н.Ю. Шведова и др.

В качестве объекта анализа в теории функциональной грамматики выступают функционально-семантические поля, представляющие собой «систему разноразрядных средств данного языка

¹ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. С. 333.

(морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных — лексико-синтаксических и т. п.), объединенных на основе общности и взаимодействия семантических функций»¹.

В основе функционально-семантических полей находятся понятийные категории. «Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся... грамматическими понятиями»². С помощью функционально-семантических категорий в сознании закрепляются различные отношения между элементами объективной действительности.

В перечне главных функционально-семантических категорий видное место занимают темпоральность и персональность, являющиеся дейктическими категориями ориентационного типа, выступающими «фундаментом» предикативности, как синтаксической категории, определяющей функциональную специфику основной единицы синтаксиса — предложения. Предикативность же рассматривается в качестве ключевого конституирующего признака предложения, который относит информацию к действительности и тем самым формирует единицу, предназначенную для сообщения. Главным средством формирования предикативности является категория наклонения, при помощи которой сообщаемое предстает как реально осуществляемое во времени или же мыслится в плане ирреальности.

В.В. Виноградов называл категорию лица «фундаментом» сказуемости³.

Категория персональности, являясь единицей большего объема, чем категория лица, рассматривается учеными функционального направления как семантическая категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи — прежде всего говорящему. Вместе с тем персональность — это и функционально-семантическое поле, базирующееся на данной семантической категории, рассматриваемой вместе со средствами ее выражения в том или ином языке. Семантика лица

¹ Бондарко А.В. Функциональная грамматика. С. 21–22.

² Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. С. 238.

³ Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения, 1954.

базируется на отношении пересечения / непересечения участников обозначаемой ситуации с участниками акта речи. Выделяется конкретный персональный дейксис, подразделяющийся на собственно-личный (1-ое, 2-ое, 3-ье лицо) и предметный дейксис, как одна из возможных функций форм 3-его лица, а также неконкретный персональный дейксис, лишенный признака указания на конкретное, или определенное, лицо, и обобщенно-личный дейксис¹.

Ввод нового лица в текст является семантическим средством, с помощью которого говорящий осуществляет смену темы, т.е. переход от одного сообщения к другому. Исходя из этого, «наименования лица участвуют в реализации ведущей категории текста — событийности. Персональность играет важную роль в порождении высказывания и выполняет текстообразующую функцию»².

И.М. Миниярова, отмечая ярко выраженную дейктичность и коммуникативную ориентированность категории персональности, выделяет коммуникативно ориентированное лицо, представляющее участников речевого акта — говорящего и адресата, обозначаемых дейктическими средствами, и номинативную, коммуникативно неориентированную сферу поля персональности, связанную с неучастниками речевого акта.

«Теория функциональной грамматики» относит к ядру средств выражения категории персональности личные местоимения, обозначающие лицо относительно акта речи, и личные глагольные формы, выражающие отнесенность действия, состояния к личному субъекту³.

И.М. Миниярова отмечает, что в сферу персональности «втягиваются личные субстантивы, обозначающие «третьи лица» и характеризующие человека в каком-либо аспекте его бытия как носителя определенных функций»⁴.

Ближнюю периферию средств выражения персональности составляют, по мнению авторов «Теории функциональной грамматики», личные местоимения в формах косвенных падежей и фор-

¹ Теория функциональной грамматики, 1991. С. 5–7.

² Миниярова И.М. Функционально-семантическое поле персональности в современном русском языке. С. 4.

³ Теория функциональной грамматики, 1990. С. 16–17.

⁴ Миниярова И.М. Функционально-семантическое поле персональности в современном русском языке. С. 2.

мы притяжательных местоимений, различающихся по лицу, а на периферии данного функционально-семантического поля находятся морфолого-синтаксические, интонационно-синтаксические, лексические средства выражения значения лица, контекст и др.

Подобная градация средств выражения значения функционально-семантической категории представлена «Теорией функциональной грамматики» и при анализе структуры функционально-семантического поля темпоральности, которая понимается как «семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета»¹. Охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т.п.) средств выражения различных вариантов данной семантической категории, поле темпоральности, как и функционально-семантическое поле персональности, является моноцентричным, поскольку базируется на морфологической категории времени.

В традиционной грамматике категория времени определяется по отношению к моменту речи. Момент речи является условным термином для обозначения настоящего в собственном смысле слова, по отношению к которому все события определяются как относящиеся к плану настоящего, прошедшего или будущего.

В последние годы при описании категории времени вводится понятие «точка отсчета». Каждая форма времени представляется носителем определенного отношения к точке отсчета, в качестве которой используется момент речи, определенная дата, какое-либо событие и общий временной план². При этом момент речи является основной, исходной точкой отсчета. Значение настоящего, прошедшего или будущего времени определяется как одновременность, предшествование, следование по отношению к моменту речи или иной точке отсчета.

¹ Теория функциональной грамматики, 1990. С. 5.

² См.: Основы построения функциональной грамматики русского языка для нерусских; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка.

«Темпоральность представляет собой категорию, состоящую из определенных блоков»¹. Помимо собственно грамматико-лексических микрополей прошедшего, настоящего и будущего времени в ряде работ выделяются смежные блоки: длительность, последовательность и повторяемость, каждый из которых имеет свои специфические, глагольные, наречные или / и местоименные средства выражения. Ср.: *«Вот холм лесистый, над которым часто я сжигивал недвижим...»*. Очевидно, что форма глагола многократного способа глагольного действия в сочетании с семантикой наречия выражают здесь значение регулярной повторяемости.

Для выражения длительного повторяющегося действия, действия регулярного используются обстоятельственные показатели типа *«подолгу»*, *«цельми днями»* и т.д. Наречия *«сразу»*, *«незамедлительно»*, *«тотчас»* и т.д. актуализируют непосредственное мгновенное следование во времени, не предполагающее временного разрыва между действиями, в отличие от конкретизаторов типа *«потом»*, *«затем»*, *«на другой день»*, *«после этого»* и др.

Среди типов темпоральных отношений «Теория функциональной грамматики» выделяет актуальность / неактуальность ориентации на момент речи. «Ситуативно актуализированный тип речи отличается непосредственной связью содержания высказывания с ситуацией речи. Для речевого смысла существенна ситуативная информация»². Ситуативно неактуализированная речь выступает тогда, когда нет непосредственной связи содержания высказывания с речевой ситуацией, в частности с позицией говорящего в момент речи. Ср.: *«В ночь на 18 ноября опять разыгрался шторм»* [И. Шелест]. *«Одних у дворца своего в Петербурге царь тогда расстрелял, а других теперь в Маньчжурию везет убивать»* [С. Сартаков]. Ситуативно актуализированное высказывание в первом примере определяется введением показателя хронологического времени «18 ноября», а во втором предложении — соотношением обстоятельственных средств «теперь — тогда» и разных временных планов.

Ситуативно неактуализированный тип речи часто реализует не значение времени в его живом сопоставлении с настоящим, а несет

¹ Варламова В.В. Функционально-семантическое поле темпоральности в современном русском языке. С. 12.

² Теория функциональной грамматики, 1990. С. 11.

функцию выражения, например, прошедшего по соотношению с соответствующим моментом плана повествования, ср.: *«Пройдя мимо скамьи, на которой помещались редактор и поэт, иностранец покосился на них, остановился и вдруг уселся на последней скамейке, в двух шагах от приятелей»* [М. Булгаков]. Ситуативно актуализированный тип речи больше характерен для непосредственного общения говорящего и слушающего.

Вслед за традиционной лингвистикой, функциональная грамматика выделяет абсолютное время, точкой отсчета для которого является момент речи, и относительное время, впервые выделенное Н.С. Пospelовым¹, имеющее в качестве точки отсчета момент другого действия². Ср.: *«Я в совершенстве знаю этот предмет»* (абсолютное время). *«Я подумал, что поезд идет слишком медленно»* (относительное время).

Среди финитных глагольных форм нет специальных форм относительного времени, одни и те же глагольные формы времени могут выступать то в абсолютном, то в относительном временном употреблении.

К значению относительного времени тесно примыкает семантика таксиса, как непредикативной категории и функционально-семантического поля полицентричного типа, не базирующегося на определенной морфологической категории. Понятия «относительное время» и «таксис» частично пересекаются, однако не совпадают. Вслед за Р.О. Якобсоном, который ввел этот термин в лингвистику, функциональная грамматика определяет таксис как «временное отношение между действиями в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса»³.

Таксис — более широкое понятие, нежели относительное время, поскольку выражается как при относительной, так и при абсолютной временной ориентации. Ср.: *«[Когда он открыл как следует глаза], он увидел, что шумит море...»* [М. Булгаков]. В предложении реализуется как значение относительного времени («шу-

¹ Пospelов Н.С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке.

² Пospelов Н.С. Мысли о русской грамматике.

³ Теория функциональной грамматики, 1990. С. 16.; Бондарко А.В. Функциональная грамматика. С. 70.

мит»), так и семантика таксиса — значение одновременности действий. «*Маргарита подняла голову к луне и сделала задумчивое и поэтическое лицо*» [М. Булгаков]. Таксисное значение одновременности реализуется в последнем примере между действиями предикатов, временная ориентация которых является абсолютной, т.е. ориентированной на момент речи.

Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» отказываются от узкого, чисто временного понимания таксиса, наблюдаемого в других работах¹, и рассматривают таксисные отношения между двумя или более единицами полипредикативного комплекса. Понятие «полипредикативный комплекс» фигурирует и в «Теории функциональной грамматики», однако это понятие, по мнению А.В. Бондарко, включает сочетание основной и вторичной предикации в конструкциях с причастиями, деепричастиями, разные типы полипредикации в сложных предложениях и простых предложениях с однородными сказуемыми, сверхфразовые единства².

Рамки полипредикативного комплекса существенно расширяются в трудах сторонников коммуникативного подхода к языку. К числу конструкций, содержащих в себе полипредикацию, в последние годы относят такие простые предложения, которые были определены М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой как «неэлементарные». Неэлементарными можно назвать такие простые предложения, которые «содержат компоненты, являющиеся результатом сжатия, компрессии предикативного фрагмента высказывания, «второго сообщения»³. Авторы «Очерков по теории сложного предложения» рассматривают монопредикативные, но полипропозитивные конструкции, т.е. простые предложения с одной грамматической основой и двумя пропозициями, ср.: «... *Рыбак почти с неприязнью слушал нездоровое дыхание товарища*» [В. Быков].

В данном предложении словоформа «дыхание» заключает в себе свернутую, сжатую пропозицию, которая понимается как «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и ком-

¹ Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология; Теория функциональной грамматики, 1987.

² Теория функциональной грамматики, 1987. С. 237.

³ Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. С. 13.

муникативной парадигмы предложений и производных от предложений конструкций (номинализаций)¹. Термин «пропозиция» соответствует номинативному, собственно семантическому аспекту предложения, ср.: *«Рыбак почти с неприязнью слушал, как нездорово дышит товарищ»*.

По мнению Г.А. Золотовой, «если есть сообщение, даже редуцированное, «свернутое» до компонента простого осложненного предложения, язык не может не сигнализировать этого»². Рассматривая полипрозитивные конструкции, Г.А. Золотова впервые отмечает прежде всего их морфологическую «выраженность». Поскольку время глагола (или, точнее, предиката, основного или дополнительного, вторичного) может быть либо свободным, соотносящимся с моментом речи, либо связанным, релятивным, таксисным, соотносящимся со временем основного предиката как одновременное или разновременное, а время является одним из компонентов предикативности, то логично предположить подобные возможности у других категориальных компонентов предикативности: модальности и персональности. С точки зрения соотносительности с основным предикатом «вторичные предикаты могут представлять ту же модальность или иную, то же значение лица или иное»³. Г.А. Золотова отмечает, что значение действия выражается не только личными глаголами, деепричастиями и причастиями, но и инфинитивом и отвлеченными именами — девербативами, приложениями, уточняющими, поясняющими конструкциями и т.д.

Н.Д. Арутюнова считает, что «присутствие в простом предложении пропозитивных имен делает его семантически сложным»⁴. Г.А. Золотова утверждает, что усложнение здесь не только семантическое, но и структурное. Синтаксическая компрессия — это увеличение количества информации на одну единицу плана содержания, но у единицы плана содержания должен быть и план выражения.

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 401.

² Золотова Г.А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе. С. 100.

³ Там же. С. 101.

⁴ Арутюнова Н.Д. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения. С. 170.

В современной лингвистике одним из главных носителей свернутой пропозиции, вторичной предикации признается абстрактное существительное — девербатив. Так, отмечая многообразие аналогов придаточного предложения в простом неэлементарном предложении, В.Б. Павлюкович считает, что наиболее часто употребляемым в роли зависимого компонента при глаголе является существительное или субстантивированное слово в определенной падежной или предложно-падежной форме¹. Важным представляется тот факт, что словоформы, как и придаточные предложения, способны самостоятельно выражать пропозицию, при этом сложное и простое предложение, являясь единицами разных синтаксических уровней, характеризуются идентичностью пропозиционального значения. Например: «*[Ивановский замер в колее, совершенно раздавленный тем, что увидел,] такого невезения он не мог себе и представить*» [В. Быков]. — «*Он не мог себе и представить, что ему так не повезет*».

Зависимая предикативная единица в сложном предложении и именно словосочетание в простом предложении выполняют одну и ту же функцию и обладают свойством синтаксической функциональной эквивалентности.

Отглагольное существительное, девербатив, как правило, является ядром пропозиции в простом предложении. Данное отглагольное существительное в процессе преобразования сложного предложения в простое не утрачивает способности управлять, т.е. сохраняет модель управления соответствующего глагола.

Принято считать подобные отглагольные существительные, которые Ю.Д. Апресян называет именами ситуации², Е.В. Падучева — отпредикатами³, продуктом синтаксической деривации, при которой семантическое преобразование затрагивает только категориальную (частеречную) семантику. «Синтаксический дериват — это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной фор-

¹ Павлюкович В.Б. Делиберативно-объектные глаголы в сложном и простом предложении. С. 5–7.

² Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка).

³ Падучева Е.В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке.

мы, но с другой синтаксической функцией»¹. Данный тип деривации рассматривался как функциональная синтагматическая транспозиция, простая мена синтаксических характеристик слова².

Синтаксические дериваты практически не исследовались в плане изучения их семантики, а анализировалось преимущественно соотношение грамматических категорий исходного слова и его деривата³. В современной лингвистике существует точка зрения, что «синтаксическая деривация — это не просто номинализация, а скрытая перестройка лексемы в духе другой части речи»⁴. Тем самым смена категориальной семантики предполагает не только замену одних грамматических категорий другими, но и изменение некоей «энциклопедической» характеристики слова с точки зрения восприятия обозначаемой им ситуации.

Вопрос семантического преобразования, сопровождающего процесс синтаксической деривации, видимо, требует дальнейшего изучения. Нам же представляется особенно важным тот факт, что слово, облекаясь в иную морфологическую (частеречную) форму, сохраняет валентности исходного глагола, при этом приобретает новые, изначально не свойственные, при сдвиге в семантике. Отглагольные существительные более приспособлены к передаче событийного значения по сравнению с инфинитивом, что подтверждается возможностью использования отвлеченных имен существительных в функции отдельного предложения и в заголовках. Статус же самих номинализаций двойственен. «Система словоизменения, морфологическое оформление, синтаксическая сочетаемость у них от имен существительных, а функционально-семантическая роль в смысловой организации предложения — от глагола»⁵.

Каждый язык в процессе своего развития отрабатывает и закрепляет в формальных средствах свои категориальные значения. Од-

¹ Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. С. 61.

² Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.

³ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса; Есперсен О. Философия грамматики.

⁴ Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира. С. 34.

⁵ Абрамов О.В. Семантико-синтаксический аспект имен пропозициональной установки. С. 51.

нако лингвистика отмечает как установленный факт выражение словами различных частей речи несвойственных им, их частеречной семантике, морфологических категорий¹.

Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» также указывают на морфологическую гибридность отвлеченных имен, состоящую в том, что «категориальная семантика одних частей речи (специализирующаяся на выражении предикатных, признаковых значений) соединяется с морфологической техникой другой части речи. Несоответствие категориального значения подкласса слов и основного категориального значения части речи квалифицируется как неизосемичность»². Синтаксические дериваты, занимающая непредикативную позицию в полипропозитивном предложении, способны опосредованно выражать предикативные категории времени, модальности и лица, обозначая событие, состояние или качество.

Например: «*От усталости и однообразного шуршания ветра в бурьяне голова его наполнилась гулом и путаницей невнятных фраз, разговоров*» [В. Быков].

Пропозитивные имена — синтаксические дериваты обозначают состояние и действие, представленные как реальные, отнесенные к плану прошлого и коммуникативно неориентированной сфере 3-го лица: — *Голова его наполнилась гулом ... оттого, что он устал и что однообразно шуршал ветер в бурьяне.*

В лингвистике отмечается, что событийная семантика, свойственная синтаксическим девербативам или номинализациям, соотносима с осью времени, благодаря чему имена событийной семантики, имена действия способны формировать номинативные предложения³.

Однако морфологическая невыраженность в существительных временных, аспектуальных и залоговых значений, генетически присущих глаголу, отличает девербативы от глагольных форм. На том же основании выражение абстрактными существительными в

¹ Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление.

² Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. С. 252.

³ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. С. 76–80;

Казаков В.П. Имена действия в грамматике и словаре. С. 102.

роли носителей вторичной предикации предикативных категорий представляется авторам «Коммуникативной грамматики русского языка» «неявным» способом реализации данных функционально-семантических категорий.

Признавая девербативы субстантивными аналогами глаголов, с которыми они входят в одно функционально-семантическое поле действия¹, многие исследователи отмечают совмещение в синтаксических дериватах глагольных и именных свойств. Так, в рамках свернутой пропозиции сохраняется значение вида исходной глагольной формы, в известных случаях имеет место оппозиция в рамках категории времени, а «оппозиция в рамках категории лица» полностью сохраняется². В девербативах, по мнению М.М. Покровского, могут совмещаться следы переходных и непереходных глаголов³. К примеру, отдельные девербативы являются синтаксическими синонимами как глаголов действительного залога, так и глаголов с возвратным значением.

Специфика отглагольных имен действия по сравнению с конкретно-предметными существительными, состоит также в их способности сочетаться не с теми прилагательными, которые определяют признаки, качества предметов, а с теми, что характеризуют действие, процесс «с точки зрения его протяженности во времени, интенсивности, результативности»⁴. Ср. : «*Она и после внезапного ухода Гели продолжала журчать как ни в чем не бывало*» [К. Сионов].

Однако при трансформации «глагол → девербатив» глагольная основа «утрачивает активный динамический характер процессуального значения. Естественно, утрачиваются одновременно с этим и синтагматические свойства производящего глагола, унаследованные этим именем»⁵. Нейтрализация этих свойств приводит, как отмечает Е.И. Коряковцева, к сужению лексических свойств и

¹ Гак В.Г. Номинация действия. С. 79.

² Ким Э.М. Формальные и содержательные отношения между сложными предложениями с предикативными актантами и простыми предложениями.

³ Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию.

⁴ Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. С. 125.

⁵ Коряковцева Е.И. Статус имени действия. С. 59.

изменению синтаксических связей опредмеченного отглагольного имени действия.

У существительных, по мнению М.В. Никитина, возможна лишь статическая констатация признака вне временной динамики, однако на основе способности абстрактных существительных частично выполнять глагольные функции выявляется тенденция: «чем длительнее, устойчивее, стабильнее, постояннее и характернее признак для какой-то вещи, тем больше оснований ожидать, что при описании этой вещи номинация такого признака будет продвигаться по линии от глагола к прилагательному и далее к существительному»¹. Автор отмечает, что в абстрактных существительных сильнее представлено или даже полностью доминирует сигнификативное значение с ориентацией на понятие. Ср.: *«Продолжительное отсутствие старшины начало всерьез тревожить...»* [В. Быков]. Девербатив — пропозитивное имя управляет актантом в форме генитива, имеющим субъектное значение, и сочетается с атрибутивным определителем, характеризующим действие свернутой пропозиции как длительное, нерезультативное, т.е. налицо реализация семантических валентностей производящего глагола.

Способность девербативов управлять актантами, т.е. зависимыми дополнениями со значением лица или предмета, который участвует в процессе, обозначенном отглагольным существительным, тождественна глагольной валентности.

Однако не только абстрактные, отглагольные существительные, но и конкретные имена способны иметь сигнификативное значение, несмотря на преобладание денотативного компонента². Ср.: *«Когда присутствовала мать, он молчал»*; *«В присутствии матери он молчал»*; *«При матери он молчал»*.

В последнем примере налицо элиминация пропозитивного компонента — абстрактного существительного. Его значение и функция аккумулируются конкретным существительным, в данном предложении являющимся носителем свернутой пропозиции. Видимо, в семантической структуре слова «мать» присутствует семантический компонент «существование». Он актуализируется с

¹ Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. С. 24.

² Там же. С. 27–28; Руденко Д.И. Имя в парадигмах философии языка.

помощью определенной синтаксической конструкции, а именно «предлог ПРИ + существительное в предложном падеже»

Некоторые ученые отмечают способность выступать в функции носителей пропозитивного значения у отыменных и отадективных существительных¹. Ср.: «Он почувствовал их (рук) добро-ту». — «Он почувствовал, как добры эти руки».

В ряде работ анализируется семантика предиката и сочетаемость его с пропозитивным именем. Так, В.В. Гуревич описывает «широкозначные» слова, смысл которых конкретизируется семантикой соседнего слова, связанного с данным широкозначным словом валентной связью. «Существительные — конкретизаторы выступают при таких широкозначных глаголах как их «событийная» валентность, т.е. как обозначение того события, которому сам этот глагол приписывает признак существования»² [Гуревич, 1998: 31]. Ср.: «Он чувствовал усиливающуюся боль в ноге» [В. Быков]. — «Он чувствовал, что боль в ноге усиливается (что нога болит сильнее)».

Данные предложения могут быть рассмотрены как синтаксические синонимы. На изоморфизм и синонимичность придаточных предложений и именных словоформ указывает Г.Ф. Гаврилова, отмечая, что словоформы и придаточные в подобных случаях занимают одинаковую синтаксическую позицию и находятся в отношениях функционального тождества³. В основе изоморфизма словоформ и придаточных предложений лежит общность синтаксических позиций, которые они занимают. При этом в одних случаях определяющая роль в формировании структуры сложноподчиненного предложения и словосочетания принадлежит опорному слову, а в других семантико-синтаксический характер отношений между компонентами определяется, главным образом, с помощью зависимого элемента. К примеру, с глаголами, обозначающими физическое воздействие на предмет, типа «брать», «дать», «уне-

¹ Коряковцева Е.И. Статус имени действия. С. 107–109; Анисимова А.Н. Словосочетание с отадективным существительным в системно-функциональном аспекте. С. 6–7, 15.

² Гуревич В.В. О «субъективном» компоненте языковой семантики. С. 31.

³ Гаврилова Г.Ф. Об изоморфизме сложноподчиненного предложения и словосочетания.

сти», «принести» и т.д., крайне редко сочетаются местоименно-соотносительные придаточные с союзом «что», образующие вмещающие предложения, и отвлеченные имена существительные. Они сочетаются только с глаголом интеллектуального действия.

Изоморфизм придаточных и словоформ наблюдается не только на функциональном, но и на формальном уровне. Одним из основных средств связи в простом предложении выступают предлоги, а в сложноподчиненном предложении роль формальных средств связи выполняют союзы и союзные слова. «Предлоги и союзы указывают на отношения как на нечто неотделимое от словоформ и придаточных, как на форму проявления их в связной речи, отражающую связи и отношения реальной действительности»¹. Ср.: «...Условился, что Воланд придет к нему для уточнения деталей в 10 часов утра сегодня» [М. Булгаков]. — «Условился, что Воланд придет к нему для того, чтобы уточнить детали, в 10 часов утра сегодня».

Подчинительный союз «для того, чтобы» и предлог «для» актуализируют значение цели в придаточном предложении и во вторичной предикации, выраженной пропозитивной предложно-падежной формой.

При замене предлога значение словоформы может меняться так же, как при замене подчинительного союза другим. Многие производные предлоги, соотносительные с союзами, имеют одинаковое с ними значение. Поэтому в качестве однородных могут употребляться словоформа с предлогом и придаточное с соответствующим союзом.

Г.Ф. Татарникова отмечает, что отглагольному существительному, взятому изолированно, категории вида, времени, залога, наклонения несвойственны, но в составе синтаксических конструкций на отглагольное существительное распространяется значение категорий глагола-сказуемого. При этом имеет значение семантика управляющего именным оборотом глагола, семантика отглагольного существительного и контекст. Автор также говорит об изоморфизме придаточного именной словоформы, синонимичности функции союзных средств и предлогов и считает, что «структура

¹ Гаврилова Г.Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. С. 17.

сложноподчиненного предложения имеет больше вариаций, чем именной оборот, поэтому придаточное уже по смыслу и точнее»¹.

Идентичность функции придаточного предложения и именной словоформы рассматривает в своей диссертации Э.М. Ким, утверждая, что между сложным и простым предложениями — членами синтаксической пары — всегда существует семантическое расстояние, размеры которого поддаются измерению². Автор анализирует роль всех лексических компонентов, в особенности союзных средств, частиц, вводно-модальных слов, в построении семантической организации предложения. Считая простое предложение семантически не тождественным сложному, Э.М. Ким объясняет это неизбежностью семантических потерь при трансформации по линии «сложное → простое».

Семантический сдвиг между сложноподчиненным и простым предложениями, по мнению Э.М. Ким, обусловлен категориальной принадлежностью глагола и имени. Так, для отпредиката типична неполная реализация всех возможных семантических валентностей в пределах простого предложения, рамки свернутой пропозиции не вмещают все синтаксические актаны имени действия. Ср.: «*Лопатин видел, что у его дочери подрагивают плечи*» [К. Симонов]. — «*Лопатин видел подрагивание плеч у своей дочери*».

Как считает Э.М. Ким, семантическое расстояние между двумя предложениями заключено в отсутствии значения времени, залога и наклонения у девербатива при сохранении семантики несовершенного вида, выраженной словообразовательным аффиксом -ива-. Однако в последние годы в лингвистике все чаще говорят не об отсутствии данных категориальных значений у пропозитивных имен, а о «неявных», скрытых способах репрезентации функционально-семантических категорий в рамках вторичной предикации³, не имеющих формального выражения, морфологической оформленности. «Коммуникативная потребность высказывания не пре-

¹ Татарникова Г.Ф. Синонимика именных оборотов с отглагольными существительными и придаточных предложений. С. 17–18.

² Ким Э.М. Формальные и содержательные отношения между сложными предложениями с предикативными актантами и простыми предложениями.

³ Теория функциональной грамматики, 1987; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка.

допределяет форму, а мотивирует значение, т.е. требует указания на время, место, причину, цель действия и т.п. Форма же, в которую облечено данное значение, ни грамматическими потребностями распространяемого слова, ни потребностями структуры предложения, как правило, не предопределяется»¹.

С точки зрения авторов «Коммуникативной грамматики русского языка» полипропозитивное предложение с вторичной предикацией: «*Лопатин видел подрагивание плеч у своей дочери*» — представляет собой монотемпоральную полиперсональную конструкцию, поскольку действие основного предиката и действие, выраженное девербативом, являются одновременными, относящимися к одному плану прошлого по отношению к моменту речи, но основной субъект предложения не тождествен субъекту «второго» сообщения.

Данное предложение является мономодальным, т. к. оба действия мыслятся как реальные, длительные и совершающиеся в прошлом по отношению к точке отсчета.

Пропозиция, выраженная предикативной конструкцией, в основе которой чаще всего лежит однозначный глагол, признается первичной, развернутой, при этом свертывание пропозиции в именную словоформу «заключается в том, что полностью сохраняется объективное содержание пропозиции, но оно оказывается не актуализованным по отношению к категориям времени и наклонения»². Данное положение представляется нам спорным и требует специального рассмотрения.

Различие между глаголом и девербативом в плане маркированности / немаркированности морфологических категорий, видимо, является отражением деления структуры поля на центр (доминанту), где сосредоточены специфические признаки категориального значения, и периферию, которая характеризуется «разреженностью признаков, их неполнотой»³.

В концепции В.Г. Адмони реализуется подход к грамматическим значениям, который основывается на множественности воз-

¹ Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. С. 4–5.

² Ли Чжон-Хен. К проблеме факта в лингвистике. С. 54.

³ Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. С. 28–29.

можных типов их структурной организации. При этом вариативность репрезентации определенного значения связана с инвариантностью. Инвариант рассматривается как своеобразный эталон, прототип¹, а инвариантность трактуется как «инвариантное отношение, не зависящее от проявления грамматических форм в той или иной лексической и синтаксической обстановке»².

Сохранение инвариантного смысла лежит в основе синтаксической синонимии развернутых предикаций и девербативов с пропозитивным значением. По мнению Ф. Данеша, между предложением и его семантической интерпретацией существует не прямая, а сложным образом опосредованная связь. При этом связывающие их звенья представляют собой не только собственно синтаксические структуры, но и структуры лексические (включая словообразовательные) во всей сложности их отношений³. Явление синтаксической синонимии представляется достаточно подробно описанным в современной лингвистике, в отличие от синтаксической омонимии, которой до сих пор систематического внимания уделялось сравнительно мало⁴. Однако и проблема синтаксической омонимии является актуальной на современном этапе развития лингвистики в свете утвердившегося в науке коммуникативного подхода к языку. Синтаксическая омонимия вызывает интерес не только у отечественных ученых, но и представителей лингвистических школ Запада. Так, этой проблеме уделяют значительное внимание чешские ученые⁵.

П. Адамец отмечает, в частности, что довольно часто синтаксическая омонимия в русском языке оказывается связанной с нефинитными вторичными предикациями, особенно с субстантивными номинализациями. Понимая под синтаксической омонимией возможность получения одной синтаксической формой двух или бо-

¹ Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. С. 5–9.

² Якобсон Р.О. Речевая коммуникация. С. 177.

³ Данеш Ф. Опыт лингвистической интерпретации синтаксической омонимии. С. 4.

⁴ Колесников Н.П. Порядок слов в русском предложении и синтаксическая омонимия

⁵ Адамец П. Несколько замечаний о синтаксической омонимии в русском языке; Данеш Ф. Опыт лингвистической интерпретации синтаксической омонимии.

лее семантических интерпретаций, не являющихся синонимичными, а напротив, имеющими характер взаимоисключения, П. Адамец делает попытку определить круг средств деомонимизации синтаксических конструкций, а также причины возникновения подобной неоднозначности семантики предложения. При этом главными средствами снятия неоднозначности, по мнению автора, являются контекст и конситуация. Ср.: «*Веру после приезда в Москву навестил Сергей*» [пример П. Адамца]. Вторичная предикация «после приезда» может быть отнесена к субъекту свернутой пропозиции как в форме именительного падежа, так и в форме винительного падежа: «*Сергей навестил Веру после того, как она (Вера) приехала в Москву*». — или — «*Сергей навестил Веру после того, как приехал в Москву*». Контекст способен ликвидировать подобную неоднозначность. Ср.: «*Веру после приезда в Москву навестил Сергей, который понимал, как непросто будет девушке в огромном незнакомом городе*» (субъект свернутой пропозиции — «Вера»).

Рассматриваемые П. Адамцем примеры синтаксической омонимии являются случаями неоднозначности субъектно-объектных отношений в полипропозитивных предложениях с вторичной предикацией. Автор считает, что синтаксическая омонимия в русском языке вызывается потенциальной многозначностью референции отдельных членов и потенциальной неоднозначностью синтаксических отношений¹, что, на наш взгляд, свойственно иногда конструкциям с девербативами.

Опираясь на концепцию П. Адамца, в своей работе мы считаем необходимым определить причины возникновения неоднозначности в конструкциях с девербативами в функции носителей пропозитивного значения и наметить способы их деомонимизации.

Таким образом, можно отметить, что конструкции с девербативами являются носителями вторичной предикации в семантически и структурно усложненных простых предложениях. Вторичные предикативные структуры выполняют ту же функцию, что и придаточные предложения. Однако, на наш взгляд, в рамках вторичной предикации, и в частности именного типа, существуют специфические средства репрезентации функционально-семантических

¹ Адамец П. Несколько замечаний о синтаксической омонимии в русском языке. С. 52.

категорий персональности, темпоральности и таксиса. Видимо, эти средства выражения категориальных значений характеризуются большим участием лексического, синтаксического уровней и комбинации различных уровней языка в плане репрезентации данных функционально-семантических категорий. Представляется неверным тезис об отсутствии явных, морфологических средств выражения персональности, темпоральности и таксиса. Очевидно, в рамках вторичной предикации происходит сдвиг от центра к периферии показателей лица и временной отнесенности.

Следовательно, актуальный вопрос о системе средств выражения функционально-семантических категорий времени и персональности в таксисных простых предикативных структурах не имеет, на наш взгляд, достаточного освещения в современной лингвистике, однако представленными нами обзор имеющихся исследований, так или иначе затрагивающих данную проблему, позволяет сделать вывод о том, что решаться она должна на стыке разных уровней языка: словообразования, лексики, морфологии, синтаксиса простого и сложного предложения. Сложность и многоаспектность проблемы несомненна, тем более, что она требует системного подхода, рассмотрения языковых единиц в их парадигматических отношениях.